

А.А. Краевский

Отечественные записки

Том 48

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Краевский**
Отечественные записки: Том 48 / А.А. Краевский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 950 с.

ISBN 978-5-518-10664-2

ISBN 978-5-518-10664-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

жи, управлялъ пляской, фигурами, музыкой и оживлялъ радушныиъ усердіемъ своимъ къ этому дѣлу цѣлое собраніе; а Иванъ Максимовичъ былъ, казалось, отъ природы на то назначенъ, чтобъ нѣхота потѣшать и забавлять людей. И чѣмъ же? иной вѣкъ бьется изъ того, чтобъ посмѣшить людей, надсѣдается и надрывается, чтобъ сорвать съ толпы одобрительный хохотъ, — и скромное желаніе это не всегда ему удается; Иванъ Максимовичъ, напротивъ, не дѣлалъ ровно ничего съ вѣдома своего для общей пользы и увеселенія, и собственно бездѣйствіемъ своимъ смѣшилъ до упаду. Онъ только сидѣлъ и дремалъ, выходилъ изрѣдка на воздухъ освѣжиться, спрашивалъ стаканчикъ горячаго, или закусочку, и опять садился дремать; а между-тѣмъ, никто не могъ видѣть его безъ радужнаго смѣха.

— Вы мало танцуете сегодня, сказала мимоходомъ молодая дама въ золотистыхъ кудряхъ, мило улыбаясь. Она рассказывала подъ руку съ подругой и поравнилась въ это время съ двумя мужчинами, изъ которыхъ одинъ невольно обратилъ бы на себя вниманіе ваше при нечаянной встрѣчѣ. Это былъ статный молодецъ, который ловкими приѣмами своими бросался въ глаза при первомъ взглядѣ. Въ ту же секунду обратился онъ почтительнымъ и вѣжливымъ движеніемъ къ золотистой молодой женщинѣ, сказавъ: «О, я вамъ не дамъ покоя за этотъ упрекъ: приглашаю васъ на всѣ сегодняшніе танцы, на весь вечеръ!..» и, не давъ ей отвѣтить на это, прибавилъ самымъ незамѣтнымъ для другихъ образомъ два словечка шопотомъ — и она, зарумянившись слегка, какъ-будто нѣхота улыбнулась, склонила голову и молча прошла далѣе. На лицѣ ея еще нѣсколько времени послѣ этого носилось какое-то туманное облако, какой-то слѣдъ скромнаго раскаянія, для чего она сама звала черноволосаго, ловкаго и статнаго юношу на эту пару словъ.

— Смѣю ли просить васъ на кадрили? сказалъ нѣсколько робко молодой человекъ въ адыютантскомъ мундирѣ... Тряхнувъ слегка золотистыя кудри свои, красавица подняла голову; неожиданность предложенія и легкое смущеніе видимо рисовались на лицѣ ея. Въ-самомъ-дѣлѣ, чтó отвѣчать? Молодой мужчина въ черномъ фракѣ, съ которымъ она сейчасъ пошутила, пригласилъ ее, шутя или въ-правду, на всѣ слѣдующіе танцы; стало-быть, уже во всякомъ случаѣ на первую, послѣ этого разговора, кадрили, — а тутъ новое приглашеніе; отказать — какъ-то неловко, не достаетъ духу: можетъ-быть, первый отвѣтилъ только шуткой на шутку... а можетъ-быть и нѣтъ? Тогда могутъ выйдти неприятели, отъ которыхъ столько предостерегали ее опытныя дамы; по-крайней-мѣрѣ, онъ самъ объ ней Богъ-вѣсть чтó подумаетъ... могутъ даже подуматъ...

Нѣсколько томительныхъ для обоихъ секундъ прошли въ этомъ быстрометномъ размышленіи, и золотистая неволью, сама не зная, что она дѣлаетъ, отвѣчала: «я уже приглашена—извините!».

И въ слѣдъ за тѣмъ, едва слово это вырвалось и адъютантъ, пожавъ плечами и покраснѣвъ, раскланялся, какъ ей стало досадно на необдуманнѣйшій отвѣтъ свой, и жаль молодого адъютанта, который, казалось, былъ огорченъ этимъ отказомъ...

— Что ты это? спросила у нея подруга, неотходившая отъ нея весь вечеръ:—кто же тебя пригласилъ? съ кѣмъ ты танцуешь?

— Да развѣ онъ меня не пригласилъ на...

— Кто онъ? когда? помилуй, Ольга! это шутка; не-ужь-то ты считаешь себя обязанною? Да развѣ такимъ образомъ приглашаютъ? Развѣ это водится? Да, или ты, можетъ-быть, сама очень-девольна...

— Ахъ, не говори такъ; стало-быть, я сдѣлала глупость; но когда же мнѣ было обдумывать... Право, я такъ смѣшалась: какъ же теперь это поправить? Бога ради...

Послѣ многихъ аховъ и большихъ страховъ изъ опасеній дурныхъ послѣдствій отъ этихъ запутанныхъ дипломатическихъ отношеній, дѣло развязалось благополучно; братъ подруги ольгиной чрезъ посредство сестры выручилъ преступницу, принявъ все на себя и протанцовавъ съ нею кадрилъ; потомъ явились вдругъ, какъ двѣ стрѣлы, пушенные съ одной тетивы, два кавалера въ черныхъ фракахъ, похожихъ другъ на друга какъ подобранныя пара листковъ съ одного дерева; они оспаривали другъ у друга счастье танцовать съ Ольгой, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «не уступлю никому; я былъ первый, я въ рукѣ, я давно уже приглашалъ васъ...» Музыка грянула, и Ольга, тряхнувъ, по милой привычкѣ своей, слегка золотистыми кудрями, подала ему руку; тутъ послѣдовало, во время танца, какое-то объясненіе, которое показывало, что она, бѣдненькая, не могла уже выбиться изъ-подъ нравственнаго вліянія своего черноокаго кавалера. Потомъ уже дошла, наконецъ, очередь до свѣтлорусаго адъютанта, который скромно и прилично, но настойчиво подстерегалъ своей очереди; и тутъ, наоборотъ, перевѣсъ нравственнаго вліянія явнымъ образомъ былъ не на сторонѣ силы, какъ во время танца съ черноокимъ, а на сторонѣ изящества, олицетвореннаго въ Ольгѣ.

Еще часъ—и этотъ хаосъ мелкихъ расчетовъ, видовъ, страстей и страстишекъ — чистыхъ, непорочныхъ желаній, насущныхъ домысленій, вліаній и впечатлѣній всякаго рода, исчезъ и разнесся по всѣмъ концамъ города. Зала собранія затихла, окна ея потемнѣли... но участники и участницы развезли по обителямъ своимъ богатый запасъ, пищу для ума и сердца, на цѣлую недѣлю; можетъ-

быть, прой или нвал на цѣлый вѣкъ. Не скоро размотается этотъ клубокъ мыслей, чувствъ, столкновений, сродства, взаимныхъ заключений и размовокъ, брошенныхъ тутъ-и-тамъ невзначай замѣтокъ, таинственныхъ намековъ, вопросовъ и загадокъ—то очень-простыхъ, но тѣмъ не менше полновѣсныхъ, то опять тонкихъ, двусмысленныхъ, иносказательныхъ, а потому и весьма-важныхъ... Впечатлѣнія, остатки думъ и чувствъ и самыя послѣдствія ихъ были неодинаковы: одному грезилась во всю ночь самая глупая карта пзъ цѣлой колоды, какъ онъ выражался, чухонское окно, четверка пикъ, которая убила его франковку и этимъ испортила всю игру; на другомъ лежалъ, настоящимъ стеганымъ тюфякомъ, какой-то толстый, пестрый господинъ, въ синихъ наплечникахъ и аломъ кушакъ, съ рзной или долбленой рожей — и это былъ бубновый король, который душилъ соннаго какъ домовой. Третій слышалъ музыку сферъ, подымался, леталъ въ огромной залѣ собранія, но толкался головою въ потолокъ и не могъ выбиться на просторъ; четвертый падалъ стремглавъ съ какой-то страшной крутизны, и вздрагивая просыпался, храбрился на яву и не могъ понять, чего онъ труситъ во снѣ; пятый, напротивъ, побждаалъ всѣхъ противниковъ своихъ однимъ махомъ руки во снѣ, и просыпаясь думалъ: какъ бы это хорошо, еслибъ такъ было и наяву! Была и такая бѣдняжка, которая плакала во снѣ громко всхлипывая: ей казалось, будто какое-то сатанинское созданіе держало ее въ когтяхъ своихъ и смотрѣло на нее жадными глазами, налившимися кровію.

Да, жизнь наша, раздѣленная сномъ и бдѣніемъ на двѣ части, представляеть въ двухъ частяхъ этихъ двѣ отдѣльныя жизни. Одна изъ нихъ остается въ памяти нашей, и въ ней-то собственно заключается все наше земное бытіе; другая, безсознательная, существующая, однакожъ, не менше того сама-по-себѣ и отдѣльно—проходить, не оставляя ни памяти, ни слѣда. Но можетъ ли она быть безъ всякаго значенія, смысла и связи? А въ чемъ значеніе это состоитъ, когда и гдѣ оно для насъ объяснится?...

Но обратимся къ своимъ Тугаринцамъ. Не только множество безсвязныхъ сновъ родилъ балъ этотъ, который мы описали, но и не менше того послѣдствія его изоблачались на яву.

Еслибъ можно было сдѣлать сводъ всего того, что было сказано, пересказано, рассказано, говорено, болтано, переболтано, разболтано въ-теченіе слѣдующихъ за баломъ дней, — сколько тутъ было заключений, умозрѣній, догадокъ, обмолвокъ, размовокъ, удовольствія, надеждъ, неудовольствія, злобы и горя — о, конечно, еслибъ не было слѣдующаго за тѣмъ воскресенья, гдѣ все это мо-

жетъ принять иной видъ, распутаться, перепутаться и запутаться снова, то не знаю, какъ и чѣмъ все это могло бы кончиться!

Настало утро, понедельник; весь городъ протиралъ глаза и припоминалъ сонъ свой и вчерашній балъ.

— Какіе у нея глаза! сказалъ Буслаевъ, адъютантъ военнаго губернатора: — какіе глаза! видѣлъ ты? Или ты слона-то и не примѣтилъ?

— Примѣтилъ, отвѣчалъ его товарищъ, правитель канцеляріи Горнилинъ: — какъ не примѣтитъ! глаза большіе, голубые; пожалуй, лазоревые!

— И только? продолжалъ Буслаевъ. — Не пиши, пожалуйста, картины своей такимъ потертымъ помазкомъ, не прикасайся такого предмета, молчи лучше! Тебя не обдало этимъ лучезарнымъ тепломъ, иначе бы ты воспѣвалъ глаза ея поразвѣстѣ! Большіе и голубые! Что твои большіе и голубые? въ томъ-то и загадка, что они малы и велики, голубые, когда имъ надо быть голубыми, и каріе, и сѣрые, и черные, когда имъ надо быть карими, сѣрыми и черными! О, я бы, кажется, могъ теперь же воспѣть глаза эти, не зачинаясь, звучными октавами!

— Пой же! кричалъ Горнилинъ, воспламенившись въ свою очередь: — а я буду хотъ вторить и подыгрывать, взявъ въ руки гитару и ударилъ по струнамъ.

И Буслаевъ запѣлъ говоромъ подъ созвучные лады гитары:

«Глаза, глаза, осыпьте вы меня, подъявши соболіны вѣки, струями сѣребра пловучаго, дождемъ хрустальнымъ окатите! вы, искрометные, вы сыплете роскошно, расточительно тьмы отблесковъ души, души небесной!...

— «О, поскупитесь, тороватые!», подхватывалъ Горнилинъ: — «дарите взглядомъ этимъ достойныхъ себя, сыпьте сѣребро свое на доблестную душу, не сыпьте апельсировъ — или, бишь, бисера»...

— Передъ Горнилинимъ и ему подобными! кричалъ Буслаевъ, вырвавъ у товарища гитару. — Выпуклое стекло какой-нибудь косморамы болѣе займетъ и утѣшитъ вашу братью, чѣмъ алмазное яблоко ольгиныхъ очей!

— Да, продолжалъ Горнилинъ: — тамъ видъ необширнѣе будетъ, обстоятельнѣе и поразнообразнѣе.

— Невѣжа! подхватилъ опять Буслаевъ: — что можетъ быть въ этомъ скудельномъ, нищенскомъ мѣрѣ обширнѣе и разнообразнѣе этихъ очей? Я вижу въ нихъ вселенную. Не стану и говорить о душѣ, которая сказывается въ этихъ глазахъ, — нѣтъ, объ этомъ съ вашимъ братомъ говорить нечего; но посмотри только простымъ, холоднымъ наблюдателемъ на эту зеницу, на эту живую игру и силу выраженій: ни минуты не стоитъ она спокойно, а отвѣчаетъ

да всё, всё душевныя движенія! то сомкнется въ покой, въ холъ, въ вѣгъ—и передъ тобою свѣтлоголубой глазъ, томный, чувствительный, воспримчивый; ты готовъ растаять, какъ воскъ, и пасть... или нѣтъ, не ты, а кто—нибудь другой, кто это чувствуетъ; то глазъ этотъ расширяется немного, блеснувъ сокровенной искрой, и открываетъ въ срединѣ своей темный зрачокъ необъятной глубины и свѣтлости; то зеница эта вдругъ вовсе отступится отъ своего зрачка, исчезнетъ, расширившись до самой окранны своей, и глазъ темнѣетъ, и дѣлается изъ темноголубаго каримъ; наконецъ, передъ тобою черный какъ смоль глазъ, который жжетъ огнемъ, на что и куда ни взглянуть—трапье мигомъ въ пепелъ и золу; одно чистѣйшее золото, одна только выжига всплываетъ королькомъ...

— Такъ, дружище! сказавъ вздохнувъ Горнилинъ, помолчавъ немного: — все это прекрасно, да вотъ что: не умѣю я вставлять мыслей и чувствъ своихъ по-твоему въ такую великолѣпную оправу рококо, а думаю просто, что это дѣвица чистая, непорочная въ душѣ, которая во снѣ и на яву дремлетъ еще въ младенческомъ небытіи своемъ, колышется съ мотылькомъ на стебелькѣ и листочкѣ, съ солнечнымъ лучомъ на зыбкой струйкѣ; но что въ этомъ? когда гляжу на нее, меня жалость беретъ и духъ захватываетъ, томятъ истома. На долго ли все это? Всякая поэзія дана какъ греза; а проза, нагая существенность, запуская понемногу копачьи когти свои въ глубину, добирается у насъ къ сроку не только до вещественнаго серапа, но и до духовной души. Она скована, приросла къ костямъ и къ мясу и не выбьется до поры изъ путь своихъ, не устоитъ, среди небывалаго рая своего, противу насущной, грязной жизни, въ которую попадаетъ по неволѣ, какъ и всѣ мы, по-тому—что живемъ на свѣтѣ. Къ-чему же все это? Къ тому, чтобъ, падя устало опаливъ крылья выпренняго полега и расхаживая между остальною плотскою братіею пѣшечкомъ, не уши въ грязь, топтать непорочное вдохновеніе свое подъ ноги, дать его топтать кому угодно и, обманувшись въ надеждахъ, въ сладкихъ и пречестныхъ мечтахъ своихъ, въ самой жизни, въ людяхъ, въ семьей, прозрѣть наконецъ этими голубо-карими глазами въ бездну нечистоты мірскихъ, въ эту юдольную жизнь, и, взнемогая подъ непосильнымъ бременемъ черствой, грубой и наглай вещественности ея, заломить руки и, расплываясь слезами, воскликнуть: о я несчастная, обманутая!...

Буслаевъ слушая рѣчь эту, самъ заломивъ руки и оставивъ въ старшаго товарища большіе глаза; наконецъ сказавъ, помолчавъ:

— Но развѣ она не можетъ достаться достойному?

— Достойному! гдѣ же эти небожители? укажи на нихъ. О, блудный юноша! Развѣ ты не изъ той же плоти сомаешь, какъ и

всѣ мы грѣшныя? развѣ не ждешь и тебя съ нею участь одна и та же: общаго разочарованія, толкотни вокругъ домашнего очага, горохъ, огурцы и капуста, — словомъ, жизнелюбская, вещественная? Не въ томъ дѣло, другъ, кому она, голубокая твоя, достанется, а въ томъ, что всѣхъ насъ ждешь одна участь, что всякое обѣщанное на землѣ блаженство есть чистое надувательство, а всякое ощущеніе блаженства — временной хмѣль, чадъ, и послѣ просыпа больно заломить голова, заносеть и зашемитъ сердце. Зачѣмъ, для чего это такъ устроено — не знаю; но оно такъ, слѣдовательно, такъ и быть должно и, слѣдовательно, положимъ, къ лучшему; но гдѣ это лучшее — мы также не знаемъ; видимъ только, что не здѣсь. Кичливый умъ нашъ и высокомерное сердце — вотъ источники этого ложнаго положенія, въ которое поставлены всѣ мы, все такъ называемое хваленое образованное общество. Блаженъ, кто убиваетъ заветныя, заносчивыя грезы свои потовымъ трудомъ, не давая разгула духовному началу своему; придетъ срокъ — и духъ воспарствуетъ на волѣ. А кто, не къ мѣсту нѣжа плоть свою досугомъ, взъиграетъ жаворонкомъ и заликуетъ соловушкой, тотъ не жилецъ нашъ: онъ подь-часъ самъ отъ себя не скажется дома. Между-тѣмъ, такъ мы растемъ, такъ мужаемъ: насъ учать смолоду жить духовною жизнью, чтобъ потомъ разучиваться, какъ управился, самоучкой; чтобъ въкѣ гоняясь за счастьемъ, со-дня-на-день болѣе отъ него удалаться, копаться муравьемъ въ наносныхъ кучкахъ гли, воображая, что мы выходимъ по золотымъ ступенямъ въ баснословный храмъ истины и свѣта, — словомъ, чтобъ, выбившись изъ силъ, пасть безъ памяти въ какомъ-то чаду, въ житейскомъ угарѣ, и очнуться — если доведется еще на бѣду очнуться, съ какою-то заглохшею пустотою въ груди и въ головѣ, гдѣ все исчезло, чтѣ было смолоду насажено, — потому-что насажены-то были вербочки съ бумажными листьями, золотыми яблочками и всековыми фигурками — и гдѣ все поросло не бумажнымъ, а живымъ, корневымъ чертополохомъ...

— Губернаторъ васъ просить, сказалъ вошедшій деньщикъ Буслаева. — Буслаевъ, бывъ уже въ мундирѣ, схватилъ шляпу и побѣжалъ; а Горнилинъ спокойно сѣлъ за письменный столъ свой и принялся за бумаги. Онъ проворчалъ только про себя: «И тутъ то же, чтѣ и всюду; пишешь, пишешь — будто на письмѣ свѣтъ стоитъ; ину-пору запишешься до того, что самъ этому повѣришь, и что, кажется, если не сдѣлаешь на то письменнаго распоряженія, то и солнышко завтра не выйдетъ и не будетъ пятницы, либо вторника. А какъ разсудишь по совѣсти, то, право, роздалъ бы всю бумагу, сколько есть ея на бѣломъ свѣтѣ, ребятышкамъ на зѣянъ, а перья на морковныя пистолеты. Но вотъ до чего мы запутались

въ своихъ понятіяхъ, вотъ до чего мы,—безъ сомнѣнія, по чрезвычайной образованности своей,—все выворотили наизнанку: связку бумагъ мы называемъ *дѣломъ*; а самое дѣло, существенное исполненіе на дѣлѣ, къ чему все должно бы стремиться — мы называемъ... да не называемъ вовсе: для этого нѣтъ у насъ и названія. Переписка изъ средства чуть ли не обратилась въ цѣль, и мы добросовѣстно воображаемъ, что сдѣлали дѣло, когда исписали нѣсколько листовъ бумаги!

— Пойдемте къ близнецамъ, Илья Львовичъ, сказалъ губернаторъ Буслаеву: — надобно посмотрѣть на новыя чудеса ихъ, на дагерротипныя портреты, да оттиснуть и свои бакенбарды съ принадлежностію; благо не красками росписываютъ, такъ, глядя на портретъ, можно будетъ подумать, что и сдѣлать еще нѣту!

До близнецовъ всего было пути какихъ-нибудь 100 сажень; но подали, по обычаю, коляску четверней: Бѣдный человекъ! Ему нельзя даже пройти по городу, какъ нашему брату, потому-что это неприлично, по понятію Тугаринцевъ, и надѣлало бы тревоги на цѣлую неделю! Въ-самомъ-дѣлѣ, положеніе этихъ людей иногда жалко: куда ни повернись, гдѣ ни пошевелься—вездѣ слѣдятъ за тобою десятки ногъ и глазъ; покоя и простора нѣтъ; гдѣ бы ты ни стоялъ, что бы ни дѣлалъ, всегда и вездѣ ты выходишь какъ на-показъ; всюду есть и должны быть свидѣтели, наблюдатели, услужливые и почтительные, послушные, покорные, исполнительные... но безъ свидѣтелей и наблюдателей можно быть развѣ только въ своемъ кабинетѣ. Какъ это должно быть скучно, какъ утомительно!..

Близнецы были оба дома и приняли желаннаго гостя съ большимъ умѣньемъ. Трудно описать, въ чемъ заключалось это умѣнье. Свѣтская възлывость, предупредительность, уваженіе—это немудрено найти нынче во всѣхъ свѣтскихъ людяхъ, обтершихся въ хорошемъ обществѣ; но въ близнецахъ было еще что-то особенное, какое-то благородство и ловкость во всѣхъ приѣмахъ, обнаруживающія скромное чувство собственного достоинства, избавляющее гостя отъ нѣсколько-тягостнаго для него чувства, что всякое движеніе, стараніе и забота хозяина относятся собственно къ нему, къ гостю, и что все то, что дѣлается, дѣлается собственно для него. Умѣнье это, ловкость, свѣтская развязность близнецовъ, скрадывали очень-искусно даже самый видъ одолженія и покрывали всѣ дѣйствія ихъ лоскомъ обыкновеннаго приличія. Умѣнье это было, можетъ-статься, не послѣднею причиною, почему все тугаринское общество было безъ ума отъ близнецовъ. Они обворожали, обошли всѣхъ, какъ лѣшій обходить путника, и никто не могъ выпутаться изъ непосредственнаго ихъ вліянія.

Давно уже губернаторъ собирался навѣстить близнецовъ, чтобы осмотрѣть все чудеса ихъ, о которыхъ весь городъ не могъ наговориться. Въ-самомъ-дѣлѣ, домъ ихъ представлялъ крайне-замѣчательное собраніе предметовъ изящества, рѣдкостей всякаго рода и въ то же время мастерства и искусства самихъ хозяевъ. Трудно было придумать что-нибудь, чего бы они не умѣли сдѣлать своими руками, и притомъ едва-ли не лучше, нежели кто-нибудь иной. Убранство комнатъ было у нихъ таково, что обратило бы на себя вниманіе даже въ столицѣ; въ губернскомъ же городѣ, хотя бы это былъ и Тугаринъ, можетъ-быть, ничего подобнаго не бывало. Сверхъ-того, почти все, что только въ домъ ихъ обращало на себя вниманіе посѣтителей, было собственной ихъ, близнецовъ, работы, чему даже трудно было бы повѣрить, еслибъ и самая мастерская ихъ не была для всякаго открыта.

Губернаторъ вошелъ. Въ первой, довольно-обширной комнатѣ, или такъ-называемой залѣ, разставлены были съ большимъ вкусомъ художественныя произведенія всѣхъ родовъ. Комната была въ два свѣта; отступя аршина на три отъ каждой изъ продольныхъ стѣнъ, расположены были въ одинъ рядъ, попарно, мраморныя изваянія въ полный человѣчскій ростъ, на цѣтныхъ столбахъ; верхъ надъ этими изваяніями забранъ былъ почти сплошь превосходными картинами разной величины: большія висѣли надъ самыми статуями, меньшія наполняли промежутки, образуя въ общности узоръ въ видѣ сводовъ, которыхъ пятки сходились надъ каждою парой статуй. Сверхъ-того, рядъ этотъ былъ завѣшанъ также точно картинами и съ-изнанки, отъ оконъ. Такимъ образомъ, зала раздѣлена была, продольною двойною колонадною, на средній и на два боковые участка, изъ которыхъ каждый былъ убранъ и украшенъ особо. Въ лѣвомъ разставлена по простѣнкамъ старинная мѣбель самой высокой работы прошлыхъ вѣковъ: все это было изъ цѣльнаго дуба или орѣха, съ выпуклой рѣзбой, съ широкими карнизами и затѣйливymi на нихъ сухариками, съ плодами, цвѣтами, головками, цѣлыми человѣческими тѣлами, звѣрями, баснословными животными и со множествомъ прикрасъ тогдашняго времени; все это было сработано, какъ работали прадѣды наши, чтобы стало на сто лѣтъ съ походомъ, не щадя ни припасовъ, ни труда. Мѣбели фанерной или наклеенной и съ нарядкой, какъ ее начали дѣлать уже съ половины прошедшаго вѣка, здѣсь не было вовсе. На этихъ вещахъ разставлена была различная посуда и другая старинная утварь—серебряная и золотая, вальжжикой работы, съ слоновою костью, черепахой, раковинами, кораллами, жемчугомъ и драгоценными камнями. На каждое блюдо, кружку, кубокъ, рогъ, ковшъ, чарку,

столу, горку, ендову или корабль можно было заглядѣться, и выиѣшшимъ облизаннымъ стопамъ нашимъ, или поддѣльнымъ на живую нитку чашамъ рококо было бы стыдно стать рядомъ съ этими полновѣсными произведеніями искусства.

По правую руку, или въ правомъ участкѣ, по простѣвкамъ и подъ окнами, расположены были музыкальные инструменты всѣхъ родовъ, величинъ и народовъ, начиная отъ гудка и балалайки до контрбаса, отъ рожка и софляки до семидесяти-двухъ русскихъ роговъ, отъ сериетки до органовъ и рояля. Тутъ же, у одного окна, была придѣлана съ большимъ искусствомъ золота арфа, о которой народъ бредилъ удивительными нелѣпницами. Когда въ сумерки окно это растворялось и гусли-самогуды начинали издавать вѣжныя и полныя созвучія свои, то народъ стоялъ толпами подъ окномъ и слушалъ, до самой полуночи, припоминая сказку объ Иванѣ-Царевичѣ, о жарь-птицѣ и о гусяхъ-самогудахъ, о которыхъ доселѣ слыхивалъ только въ сказкахъ, а теперь видѣлъ ихъ на яву. Въ другомъ ряду обоехъ боковыхъ участковъ, то-есть, насупротивъ оконъ и задъ-съ-задомъ со статуями, было расположено оружіе, охотничье вооруженіе и припасы и даже капканы, западочки и ловушки всѣхъ сбыточныхъ родовъ, начиная отъ мышеловки, удочки и птицыхъ цапковъ до пятипудоваго медвѣжьего капкана, рогатины и китовыхъ багровъ. Ружья, пистолеты, сабли и пожи всѣхъ народовъ красовались тутъ же среди щитовъ, съкиръ, бердышей, копій, кистеней, чекановъ и мечей. По среднимъ заламъ стоялъ великолѣпный рояль со всѣми принадлежностями, съ запасомъ нотъ на вычурныхъ рѣзныхъ полочкахъ и особымъ не менше затѣйливымъ устройствомъ для освѣщенія.

Все это было показано губернатору съ надлежащими поясненіями и въ порядкѣ, одно за другимъ; его водили то Ефремъ, то Малахій Поликарповичи, и онъ, обращаясь къ тому или другому съ вопросомъ, никогда не зналъ навѣрное, кто изъ нихъ передъ нимъ: такъ они были другъ на друга похожи. Если они стояли рядомъ, то ихъ не трудно было отличить: Малахій былъ пониже, пухлощавѣе и поблѣднѣе лицомъ; но порознь никто почти ихъ не различалъ. Народъ утверждалъ, что если хорошенько взглянуть въ старшаго, въ Ефрема, то за нимъ всегда стоялъ и Малахій; что даже изъ глазъ Ефрема, если въ нихъ пристально всмотрѣться, выглядывалъ на глубинѣ зрачка братъ его Малахій. Эта странная сказка была какъ-то сплетена съ общимъ у насъ народнымъ погърьемъ, что въ глубинѣ глаза каждаго человека сидитъ другой человекъ, почему и самый зрачокъ иногда называется человекомъ. Разрѣшеніе загадки этой, впрочемъ, очень-просто и заключается въ томъ, что въ зрачкѣ всегда отражаются, какъ въ

зеркаль, окрестные предметы, и что каждый изъ насъ можетъ увидѣть себя въ зрачкѣ своего собесѣдника.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ покояхъ близнецовъ, были расположе- ны рабочія или мастерскія ихъ. Разсматривая тамъ начатыя рабо- ты—картины, мраморныя изваянія, мѣбель, ружья, токарныя, гон- чарныя и другія работы всѣхъ возможныхъ родовъ—губернаторъ не могъ надвинуться этому небывалому соединенію въ однихъ и тѣхъ же двухъ лицахъ всѣхъ искусствъ и художествъ.

— Но, ради Бога, сказалъ онъ наконецъ:—объясните мнѣ хотя одно: когда у васъ достаетъ времени на все это? Я рѣшительно становлюсь въ тупикъ; не говорю уже о непонятномъ для насъ искусствѣ вашемъ, о томъ, что вы знаете и умѣете все, дѣлаете все; но помыслите, васъ только двое, даже помощниковъ у васъ не видать... когда же вы успѣваете? Это непонятно! Не-уже-ли слухи, которые объ васъ носятся на этотъ счетъ, справедливы?

— О, не вѣрьте слухамъ! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ:—вы сами знаете, что такое значить народная болтовня...

— Однакожь, возразилъ губернаторъ:—какъ же вы мнѣ эту за- гадку объясните? Говорятъ, вы вовсе не нуждаетесь во снѣ, и у васъ, яе въ примѣръ намъ грѣшнымъ, въ суткахъ двадцать-четыре ра- бочіе часа?

— Это придумали отъ нечего дѣлать, сказалъ улыбаясь близ- нецъ:—къ сказкѣ этой, вѣроятно, подадо поводъ то, что мы вооб- ще точно мало спимъ, а иногда посидимъ и ночью, если зарабо- таемся, какъ случается со всякимъ.

Разговоръ этотъ, казалось, былъ непріятенъ Таганаеву, и онъ вслѣдъ за тѣмъ заговорилъ о другомъ.

Буслаевъ разсматривалъ все съ большимъ вниманіемъ; онъ такъ же поневолѣ изумлялся этой, можно сказать, сверхъестественной дѣятельности и всеобъемлемости дарованій; но ему даже и это не- вольное сознаніе было въ тягость: онъ не наслаждался тѣмъ, что видѣлъ, а терпѣлъ и выдерживалъ только поневолѣ, немогши оставить своего начальника. Близнецы, не таясь, показали въ ма- стерской своей вповѣ-начатыя рѣзные шкафы, точно работы XVI вѣка, недоконченные антики бѣлаго мрамора, серебряную посу- ду въ работѣ... словомъ, объяснилось, что всѣ чудеса эти были издѣлія самихъ близнецовъ, хотя всѣ эти вещи, по-крайней-мѣрѣ въ глазахъ тугаринскихъ знатоковъ, ровно ничѣмъ не отличались отъ подлинниковъ, которыхъ, впрочемъ, также никто не видалъ. Но у Буслаева въ то же время щемило сердце, само не зная по- комъ и по чемъ. Въ одной изъ статуй, Буслаевъ, къ ужасу своему, узналъ Ольгу, хотя сходство это было скрыто довольно-искусно: